

Противостояние. 1874–1881: революционеры, власть и общество

Всё издалёка предвещало,
Что час свершится роковой,
Что выпадет такая карта.
И этот века час дневной последний –
Назван первым марта.

(Александр Блок, тридцать лет спустя)

1860-е годы – бурный отрезок в общественной жизни. Но первую скрипку в общественно-политической жизни страны играет правительство. Власть предлагает новые условия игры, и общество перестраивает свою жизнь с учётом этих правил. Не то – в 1870-е годы. Правительство теперь только отвечает на вызовы общества. Символ нового десятилетия – революционер, отвергающий личное благополучие ради народа. Кульминация десятилетия – истекающий кровью император, взорванный террористами-народовольцами среди бела дня в собственной столице.

Революционеры погибли, не добившись от власти никаких уступок. Либералы не получили тех, пусть малых, перемен, которые всё-таки обещал проект М.Т. Лорис-Меликова. Сам Лорис-Меликов и его единомышленники получили отставку, их замыслы потерпели крах. Проиграли все, кроме консерваторов. Выходит, обе противоборствующие стороны ошибались? В чём же тогда состояла ошибка власти; в чём – революционеров? Как должны были действовать те и другие, чтобы добиться наибольшей, с их точки зрения, выгоды для страны? Таков основной вопрос данной темы.

I. "Новый нигилизм"

Разных чинов люди.

Говоря о 1860-х годах, мы обращали внимание на молодых людей, решительно недовольных проводимыми реформами. Многие современники называли их: нигилисты. Это словечко запустил в широкий оборот писатель Иван Тургенев, напечатавший в 1862 году роман "Отцы и дети". Тургенев среди читающей публики был очень известен, словечко прижилось. В нём – восхищение перед смелостью разрыва со старым, но и осуждение "юношеского максимализма". Нигилизм – это не идеология; это, скорее, мироощущение, манера поведения. Любого студента, демонстративно предпочитающего свежую книгу свежей рубашке, назвали бы нигилистом.

Но вот что читаем в отчёте III Отделения за 1869 год: "Нигилизм в последние годы видоизменился. Из гадкой шалости небольшого числа молодых людей <...>, видевших в непризнании <...> общепринятых приличий способ доказать свою самостоятельность, он перешел в положительное учение, преследующее определенные социальные и политические цели. Он уже не только отрицает, но утверждает". Далее автор отчёта говорит о том, что понятие "нигилист" уже слишком узко для обозначения лиц, которые встали в оппозицию существующему устройству общества. Автор называет их "четвёртым сословием": "«Четвертое сословие» заключает в себе не только людей праздных и ленивых, но и работающих, не только бедных, но и состоятельных; оно обнимает всех тех, которые вышли или были вытеснены из общественных групп, к коим они до тех пор принадлежали".

Со временем этих людей назовут "разночинцы", ещё позже – "интеллигенция". Раньше сын священника становился священником, сын дворянина – государственным служащим, сын крестьянина оставался землепашцем. Теперь они оканчивают университет, становятся работниками умственного труда, и всё чаще – не на государственной службе, а на частной. Они образованны, и могут сравнивать Россию с другими странами, примерять к ней опыт европейских революций.

Две идеологии конца 60-х годов.

В отчёте III Отделение упоминается о "положительном учении". Речь идёт о социализме. Это широкое понятие, оно объединяет целый набор теорий, ставящих интересы общества выше интересов личности. В России конца 60-х – начала 70-х годов социалисты делятся преимущественно между двумя течениями.

"Бунтари" – сторонники М.А. Бакунина.

<p><i>Бакунин Михаил Александрович.</i> Родовитый тверской дворянин, состоятельный, отлично образованный, вращавшийся в высшем интеллектуальном кругу николаевской России.</p>
--

Исключительно деятельный, непоседливый, подвижный, самостоятельный. В 1840 году, 26-ти лет от роду, выехал за границу. Через четыре года заочно осуждён российским судом на каторгу за печатные выступления в революционно-демократическом духе и отказ вернуться. В 1848–1849 годах принимал деятельное участие в европейских революциях, в Пруссии арестован, выдан России и заключён в Петропавловскую крепость, из которой никто никогда не сбежал.

Человек резкий, не склонный к уступкам, но способный на военную хитрость. В 1857 году, видя безвыходность своего положения, написал молодому императору Александру II униженное покаянное письмо. Царь смягчил ему наказание и сослал в Сибирь. Отсюда он бежал в Америку, оттуда – в Европу, включился в мировое революционное движение. Участвовал в I Интернационале, разошёлся во взглядах с его вождём Карлом Марксом, создал собственный международный анархический союз, которым руководил до смерти (1876). Именно как вождь анархизма Бакунин большего всего известен.

Где есть государство, – утверждал Бакунин, – там обязательно есть и неравенство, поэтому общество будущего должно являть собой федерацию небольших самоуправляющихся общин с коллективной собственностью на средства производства. В России зародыш нового общества налицо: это крестьянская община. Остаётся только поднять народ на революцию, на бунт. Дальше всё устроится само собой.

"Пропагандисты" – сторонники П.Л. Лаврова.

Лавров Пётр Лаврович. Человек мягкий, интеллигентный, вдумчивый. Дворянин, быстро дослужившийся до звания полковника. Сильный математик, преподаватель артиллерийского училища. В возрасте 43 лет (1866 г.) за революционные стихотворения сослан в Вологду, через 4 года бежал за границу, где и провёл оставшиеся 30 лет своей жизни – в тесном общении с Марксом, Энгельсом и другими ведущими социалистами. С 1873 года издавал журнал "Вперёд", хорошо известный среди российских революционеров.

Прославился написанными в вологодской ссылке "Историческими письмами" (изданы после бегства за рубеж). "Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощенное в общественных формах истины и справедливости, вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом".

Видный социалист Николай Русанов сравнивал впечатление от работ Лаврова с воздействием образа Базарова из тургеневских "Отцов и детей": "Надо было жить в 70-ые годы, в эпоху движения в народ, чтобы видеть вокруг себя и чувствовать на самом себе удивительное влияние, произведенное "Историческими письмами"! Многие из нас <...> не расставались с небольшой, истрепанной, <...> истертой в конец книжкой <...> К черту и "разумный эгоизм", и "мыслящий реализм", и к черту всех этих лягушек и прочие предметы наук, которые заставили нас забывать о народе! Отныне наша жизнь должна всецело принадлежать массам".

Лавров считал, что народ не готов к революции, и надо идти в народ для пропаганды своих идей; лозунгом его было "подготовлять и подготовлять". О грядущем устройстве сторонники Лаврова думали меньше, хотя в общем тоже уповали на крестьянскую общину.

Революционерка Вера Фигнер в своих воспоминаниях так объясняла разницу между двумя течениями: и пропагандисты, и бунтари "сходились в одном: в признании единственной деятельностью – деятельностью в народе. Но характер этой деятельности понимался обеими фракциями различно. Пропагандисты смотрели на народ как на белый лист бумаги, на котором они должны начертать социалистические письмена; они хотели поднять массу нравственно и умственно до уровня своих собственных понятий и образовать из среды народа такое сплоченное и сознательное меньшинство, которое вполне обеспечивало бы, в случае стихийного или подготовленного организацией движения, проведение в жизнь социалистических принципов и идеалов. <...>

Бунтари, напротив, не только не думали учить народ, но находили, что нам самим у него надо поучиться; они утверждали, что народ – социалист по своему положению и вполне готов к социальной революции <...> Современное положение крестьянина таково, что недостает только искры; этой искрой будет интеллигенция. Когда народ восстанет, движение будет беспорядочно и хаотично, но народный разум выведет народ из хаоса, и он сумеет устроиться на новых и справедливых началах".

Нечаев и чайковцы.

На фоне теоретических споров о народе и о справедливом обществе в насыщенном растворе молодёжного недовольства начинали кристаллизоваться революционные организации. Самое известное тайное общество рубежа 1860-х – 1870-х годов – "Народная расправа", знаменитая своим вождём – С.Г. Нечаевым.

Нечаев Сергей Геннадьевич. Вольнослушатель Петербургского университета, выходец из бедных мещан, учитель приходского училища. Приняв участие в студенческих волнениях 1868 года, скрылся за рубежом и выдавал там себя за представителя мощной революционной организации российской молодёжи. На короткое время завоевал симпатию части влиятельных политэмигрантов, получил от Бакунина удостоверение представителя "Всемирного революционного союза", от Огарёва – 10 тыс. рублей из особого революционного фонда. 22-летний Нечаев вернулся в Россию как представитель международного революционного движения.

Многие соприкасавшиеся с Нечаевым сохранили к нему двойственное чувство. Из письма Михаила Бакунина: "Он страшный честолюбец, сам того не зная, потому что он кончил тем, что отождествил вполне свое революционное дело с своею собственной персоной; – но это не эгоист в банальном смысле слова, потому что он страшно рискует и ведет мученическую жизнь лишений и неслыханного труда. Это фанатик, а фанатизм его увлекает быть совершенным иезуитом. <...> Он очень опасен, так как он совершает ежедневно поступки нарушения доверия, измены, от которых тем труднее уберечься, что едва можно подозревать их возможность. Вместе с тем Н[ечаев] – сила, потому что это огромная энергия. Я с большим сожалением разошелся с ним, так как служение нашему делу требует много энергии, и редко встречаешь ее так развитую, как у него".

Много позже, в заключении, в одиночной камере Алексеевского рavelина, где охране запрещалось даже разговаривать с узником, он смог распропагандировать жандармов так, что едва не устроил побег (начальство обнаружило приготовления, охрану сменили). Из воспоминаний Веры Фигнер: "Солдаты-равелинцы, сосланные в Сибирь, встречались в свое время со многими политическими ссыльными из интеллигенции... Никогда ни у кого из этих людей не вырывалось упрека, слов укоризны по адресу Нечаева, разорившего их жизнь. Все они отзывались о нем с особенным чувством, похожим на страх, и признавались в своем подчинении его воле: "Попробуй-ка, откажись, когда он что-нибудь приказывает! Стоит взглянуть ему только!" – говорил один из них".

"Народная расправа", созданная в 1869 году, опиралась на чёткую организацию и жёсткую дисциплину. Студент Иванов, один из участников общества, проявил неповиновение. Тогда Нечаев и несколько ближайших помощников убили его. Полиция нашла виновных, власти устроили показательный судебный процесс. Нечаева, вытребовав из Швейцарии как уголовного преступника, до конца жизни заточили в главную политическую тюрьму империи – Петропавловскую крепость.

Нечаев ничего не успел сделать с точки зрения практической революционной борьбы. Но успел сформулировать положение о том, что революционер должен быть жёстким и прагматичным и не должен стесняться в средствах для достижения цели. Хрестоматийно известным стал документ, найденный при обысках по делу "Народной расправы" и получивший от полиции название "Катехизис революционера".

"У каждого товарища должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела. Только как на такой капитал, которым он сам и один, без согласия всего товарищества вполне посвященных, распоряжаться не может".

Революционер "презирает и ненавидит во всех её побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему".

Пример "Народной расправы" вызвал отторжение в образованном обществе, включая и социалистов. Другие организации были устроены более демократично. В начале 1870-х годов в Европейской России насчитывалось около 200 кружков, так или иначе связанных между собой. В Санкт-Петербурге с 1870 года действовало "Большое общество пропаганды", или кружок чайковцев (называемое так по имени Николая Чайковского, много позже известного участием в

антибольшевистских правительствах времён Гражданской войны). Чайковцы были знакомы с Нечаевым ещё до создания "Народной расправы", и уже тогда по моральным соображениям отказались от сотрудничества с ним.

В январе 1871 года по инициативе чайковцев в Санкт-Петербурге состоялся всероссийский подпольный съезд студентов, который одобрил идею повсеместного создания кружков для развития "книжного дела" (издание антиправительственной литературы). Действовали также кружки самообразования: от изучения книг вообще был один шаг до чтения подпольных книг. Под большим или меньшим влиянием чайковцев находились все подпольные кружки северной половины Европейской России. И "бунтарей", и "пропагандистов" теория звала идти в народ. И они были готовы переходить от теории к практике.

II. Народники и народ

Людей, "ходивших в народ", называют народниками. Это понятие распространилось в России тогда же, в 1870-е годы, и приняло широкий смысл. Народник – не обязательно революционер. Главное в народнике – то, что он ставит во главу угла интересы народа, а в народе видит ведущую и направляющую силу развития страны. Вот как объяснял это один из вождей народников следующего поколения Виктор Чернов: народничество – "деятельность не только среди народа и для народа, но и обязательно через народ, чем исключалось использование его как простого орудия; всё должно быть проведено через его сознание и волю, ничего не должно быть навязано извне или предпринято за его спиной".

Хождение в народ.

В 1874 году несколько тысяч участников социалистических кружков отправились в деревню. Они рассчитывали разъяснить крестьянам антинародную сущность царской власти и поднять их на восстание. Несли с собой писанные "простым языком" книги.

Одна из них – "Хитрая механика":

"– Куда же нам, мужичью, да противу такой силищи?

– Да пойми же ты, милый человек, что силища-то их вся в нас же, мужиках. Их что – горсточка: плюнуть да растереть. А нас, мужиков, большие миллионы. Их войско-то откуда? Из нашего же брата. Их деньги-то откуда? Из нашего же кармана. Ну, а кабы мужичё-то за ум ухватилось, тогда ведь совсем бы другая песня вышла! Кабы солдатики-то, братья наши, стали на нашу сторону против своего офицерства да генеральства; кабы мы, мужики, им-то денежек платить не стали, да и то, что отнято у нас да у наших дедов этими кровопийцами, у них бы отобрали? Как ты думаешь, Андрей, много ли осталось бы у них силищи-то?"

Пока переодетые простыми работниками социалисты вели разговоры о тяжести налогов и несправедливости полиции, они в основном находили сочувствие. Но выступать против власти с оружием в руках крестьяне были не готовы. А полиция быстро вылавливала подозрительных грамотеев.

Известна картина "Арест пропагандиста" Ильи Репина. Это картина с подтекстом: в небогатой крестьянской избе пропагандиста на пару держат полицейский и простой крестьянин.

Общее число арестованных "ходебщиков в народ" (прокурорское выражение) достигало 8000 человек. Аресты производились поспешно, хватали всех "подозрительных", против большинства арестованных никаких улик не было. Только 770 человек были привлечены к следствию, только 193 – к суду, и даже из них 90 человек были оправданы, лишь 28 человек получили тяжкое наказание в виде каторги. При этом 97 из привлечённых к следствию умерли или сошли с ума из-за тягот тюремного заключения.

Судебные процессы над участниками "хождения в народ" – особое явление в российской истории. На образованное общество они оказали большее влияние, чем само "хождение в народ" – на крестьян. Особую известность получил "процесс 193-х". Политические дела ко времени его начала уже были выведены из компетенции общего суда и поручены Особому присутствию Сената. Здесь не было присяжных и не было свободного доступа. Но не было и секретности: министры изначально решили сделать процесс показательным – чтобы общество узнало, сколь опасно народническое "лжеучение", и помогло правительству в борьбе с этой заразой.

Больше трёх месяцев с октября 1877 по январь 1878 года тянулись судебные заседания. Самым ярким событием стала речь И.Н. Мышкина в ноябре 1877 года.

Мышкин Ипполит Никитич, 29 лет. Сын военного писаря и крепостной крестьянки. Подростком пройдя положенную солдатским детям суровую школу кантонистов (приготавливаемых к солдатской службе), служил унтер-офицером, затем перешёл на вольные журналистские хлеба. В

25 лет уже был владельцем типографии, печатающей среди прочего и подпольную литературу. После её разгрома полицией бежал за рубеж; возвратился с мыслью освободить из якутской ссылки Николая Чернышевского. Действуя в одиночку, на свой страх и риск, переодетый жандармом Мышкин пытался вызволить Чернышевского по подложным документам – и поплатился свободой. Осуждённый по процессу 193-х на долгую каторгу, он успел в тюрьме заслужить дополнительный каторжный срок за речь на похоронах товарища. После побега и новой поимки в 1882 году Мышкина упрятали в Шлиссельбург, где три года спустя расстреляли за "оскорбление действием" охранника – так он протестовал против режима одной из зловещих российских политических тюрем, где скудное питание отягощалось запретом на общение с другими заключёнными и отсутствием книг.

На суде Мышкин пытался изложить идеи социалистов, но был остановлен. Пытался описать нарушения закона по ходу следствия, но судья запретил говорить об этом. Последние слова Мышкина были: "Теперь я имею полное право сказать, что это не суд, а пустая комедия... или... нечто худшее, более отвратительное, позорное, более позорное, чем дом терпимости: там женщина из-за нужды торгует своим телом, а здесь сенаторы из подлости, из холопства, из-за чинов и крупных окладов торгуют чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуют всем, что есть наиболее дорогого для человечества!"

При этих словах судья приказал Мышкина увести, товарищи за него вступились, началась драка, публика в зале подняла шум, женщины падали в обморок, заседание пришлось прекратить. Речь Мышкина, записанная присутствовавшими, разошлась по рукам российской молодёжи в подпольных публикациях.

Второе хождение в народ.

Разбитые кружки народников смог вновь объединить и вдохновить на возобновление борьбы М.А. Натансон. В 1876 году он как раз вернулся из сибирской ссылки.

Натансон Марк Андреевич, из первой своей ссылки вернулся 26-летним. У него состоятельные родители, брат – предприниматель и банкир. Его высоко ценили крупнейшие деятели народничества. Натансон не прославился, потому что в самые горячие времена – и на пике хождения в народ, и на пике "охоты за Александром II" – оказывался в ссылках. Но именно он стоял у истоков кружка чайковцев, который по праву следовало бы называть кружком натансоновцев. Он занимался восстановлением старых связей в 1876–1877 годах, вплоть до нового ареста. И даже в глухие 1890-е годы он попытается объединить народников и социал-демократов в обществе "Народное право" (быстро разгромленном). В 1900-е станет одним из основателей партии социалистов-революционеров. "Иван Калита" – так прозвал его один из товарищей за его деятельность по собиранию революционного движения.

Уже после очередного ареста Натансона его собирательская работа увенчалась созданием в 1878 году подпольного общества "Земля и воля". Это уже вторая "Земля и воля" в российском революционном движении (она подхватила знамя землевольцев 1861–1864 годов, опиравшихся на идеи Чернышевского). От предыдущих народнических кружков и обществ вторая "Земля и воля" отличается чёткой, продуманной организацией. Она имела свои печатные органы, типографии, отдел по изготовлению поддельных документов, всеми признаваемых руководителями и конспиративные правила.

Изменилась и тактика. Раз крестьян нельзя поднять на революцию немедленно, надо перейти к постепенной работе в деревне. Для этого молодые люди устраивались в деревнях на постоянное поселение.

Вот что вспоминала о замысле "второго хождения в народ" Вера Фигнер: "Живя среди народа в форме, не насилующей резко привычек и слабостей культурного человека, но тем не менее близкой к народу, форме полуинтеллигентной, если можно так выразиться (волостного писаря, бухгалтера ссудо-сберегательной кассы, фельдшера, мелкого торговца и т. п.), революционеры должны пользоваться всеми случаями и сторонами крестьянской жизни, которые дают повод оказать поддержку идее справедливости или возможность помочь личности и обществу в защите ими своих интересов или достоинства. Становясь в положение, близко соприкасающееся с повседневными интересами народа, каково, например, положение волостного писаря, революционер должен влиять на волостной суд, изгоняя из него водку и подкуп и делая его настоящим судом народной совести; он должен поднять значение мирской сходки и волостного суда, делая их действительным выражением общественного мнения, а не игрушкой разных

сельских проходимцев; он должен оттирать от общественных дел кулаков и мироедов и поднимать значение деревенской гольтыбы; возбуждать и поддерживать тяжбы с помещиками, кулаками, с казенными учреждениями, везде, где возможно, настаивать на защите крестьянами их прав и домогательств – словом, развивать в крестьянстве дух самоуважения и протеста; вместе с тем высматривать энергичных людей, вожakov, которые особенно горячо относятся к интересам мира; сплачивать и соединять их в группы, чтобы на них опереться в борьбе, которая, начинаясь с легального протеста, должна вступить наконец на путь чисто революционный".

Когда в 1877 году землевольцы вновь пошли в народ, они руководствовались уже новой тактикой. Но это не помогло. Всех пропагандистов правительство отлавливало; любой образованный молодой человек в деревне, хотя бы работавший учителем или фельдшером, рассматривался как враг, и против него использовались все средства, какие могут быть в руках власти.

III. Столичное общество

Каждая из противоборствующих сторон – и правительство, и социалисты – старалась пытаться привлечь на свою сторону образованное общество. Социалисты печатали листовки и излагали свои идеи в судебных заседаниях. Правительство же решило привлечь общество к наказанию революционеров, используя для этого дело Веры Засулич.

Завязка этого дела произошла 13 июля 1877 года. В тот день политический заключённый Алексей Боголюбов (псевдоним Архипа Емельянова) был по приказанию петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова высечен розгами. Это явное (и, по объяснению самого Трепова, демонстративное – в угрозу всем революционерам) нарушение закона вызвало возмущение народников. 24 января 1878 года Вера Ивановна Засулич (1850–1919), придя на приём к Трепову, ранила его выстрелом из пистолета.

Несмотря на заявление Засулич, что выстрел является мстью за Боголюбова, её решили судить как уголовную преступницу. Очевидно, правительство мечтало о "деле Нечаева № 2". За счёт этого дело попало в суд присяжных (а не в особый сенатский суд по политическим делам).

Судебное заседание состоялось 31 марта 1878 года. Прокуратура переусердствовала: стремясь добиться для обвиняемой наказания потяжелее, её обвиняли в покушении на убийство. Между тем, защитник Засулич доказывал, что террористка стремилась лишь так или иначе отомстить градоначальнику, но не воспользовалась возможностью его убить.

При этом публике в красках описывалась суть треповского преступления. Из судебной стенограммы речи присяжного поверенного Петра Александрова: "Всё замерло в тревожном ожидании стога; этот стон раздался – то не был стон физической боли – не на нее рассчитывали; то был мучительный стон удушенного, униженного, поруганного, раздавленного человеческого достоинства. Священнодействие совершилось, позорная жертва была принесена!.. (*Аплодисменты, громкие крики: браво!*)".

Сама Засулич: "Мне казалось, что такое дело не может, не должно пройти бесследно. Я ждала, не отзовется ли оно хоть чем-нибудь, но все молчало, и в печати не появилось больше ни слова, и ничто не мешало Трепову или кому другому, столь же сильному, опять и опять производить такие же расправы <...> Тогда, не видя никаких других средств к этому делу, я решилась, хоть ценою собственной гибели, доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так ругаясь над человеческой личностью <...> Страшно поднять руку на человека, но я находила, что должна это сделать".

Присяжные признали стрелявшую невиновной. Их приговор был отменён Сенатом, но Засулич к тому времени уже скрылась за границей.

Либеральный судья Анатолий Фёдорович Кони в своих воспоминаниях (текст в конце главы) описал не только юридические тонкости, но и восторженную реакцию общества на оправдание подсудимой. Дело Засулич показало, что революционеры, даже при использовании кровавых методов борьбы, не вызывают отторжения у значительной части общества.

IV. "Народная воля"

Политические убийства.

Выстрел Засулич важен и в другом отношении. Он стал вехой в развитии новой формы борьбы – личного террора. Смысл террористической борьбы по-разному воспринимался её участниками. В первое время, по примеру Засулич, его рассматривали как мстительность тем, кто виноват в мучениях и гибели товарищей. 4 августа 1878 года Сергей Кравчинский в центре столицы заколол начальника III Отделения Н.В. Мезенцева и объяснил свои побуждения в статье "Смерть за смерть!". Кравчинский мстил за недавнюю казнь одного из народников в Одессе.

Кравчинский (псевдоним: **Степняк**) **Сергей Михайлович**, 27 лет. Сын военного врача, год отслужил поручиком (после военного училища), затем поступил в Лесной институт в Петербурге, уже осенью 1873 года (раньше других) пытался ходить в народ, был арестован, бежал в Швейцарию.

Человек впечатлительный, увлекающийся, кипучий. Проникнувшись идеологией Бакунина, стал даже причёску носить косматую, "под Бакунина". Помогал итальянским бакунистам. В 1878 году вернулся в Россию; вызвался привести в исполнение приговор "Земли и воли" шефу жандармов. Дважды, выходя на покушение, проходил мимо своей жертвы, не в силах "так просто" ударить кинжалом человека. Но получив известие о казни землевольца Ивана Ковальского, решился и провёл уверенно всю операцию, включая уход от погони.

Вернувшись за границу, занялся пропагандой российского освободительного движения в Европе и Америке. "Россия под властью царей", "Россия подпольная" и другие его книги стали знамениты на Западе раньше, чем были изданы в России. Глазами Степняка-Кравчинского смотрела на русских революционеров интеллигенция Запада; им сочувствовал, например, американский писатель Марк Твен.

Вдохновившись такого рода событиями, Николай Морозов писал в "Листке "Земли и воли"": "Политическое убийство – это самое страшное оружие для наших врагов, оружие, против которого не помогают им ни грозные армии, ни легионы шпионов. Вот почему враги так боятся его. Вот почему 3–4 удачных политических убийства заставили наше правительство вводить военные законы, увеличивать жандармские дивизионы, расставлять казаков по улицам, назначать урядников по деревням – одним словом, выкидывать такие salto mortale самодержавия, к каким не принудили его ни годы пропаганды, ни века недовольства во всей России, ни волнения молодежи, ни проклятия тысяч жертв, замученных и на каторге и в ссылке... Вот почему мы признаем политическое убийство за одно из главных средств борьбы с деспотизмом".

Таким образом, террор для Морозова – не просто месть, но средство ограничения деспотизма. От этого же восприятия отталкивается и Вера Фигнер, но она пишет иначе: "Когда Плеханов и Попов настаивали на сохранении старой программы и боролись против того, что они называли опасным увлечением, они обыкновенно упрекали товарищей в том, что боевые акты отвлекают молодежь от стремления жить и работать в деревне. Они не были правы: не террор отвлекал молодежь от деятельности в народе, а отсутствие результатов... Все рассказы лиц, живущих в деревне, говорили одно: даже легальная культурная работа там невозможна; каждый деятель в деревне – в тисках урядника, волостного писаря, станового и исправника, и нет ему места в поле зрения этой вездесущей полиции".

Как бы то ни было, в глазах революционеров-народников террор приобрёл отныне право на жизнь. Даже те, кто для себя выбирал мирную деятельность в деревне, в большинстве признавали за террористами право на такую работу. В то же время, часть народников решительно выступала против террора. По мере усиления репрессий правительства отношения между "деревенщиками" и "револьверщиками" обострились. Летом 1879 года произошёл раскол. Вторая "Земля и воля" прекратила существование. На её месте возникли две новых организации.

"Чёрный передел".

Перевести это название на современный язык можно было бы как "крестьянский передел" или "всеобщий (уравнительный, справедливый) передел". "Чёрнопередельцы" приняли пропагандистскую тактику. Поднять крестьян на революцию они считали возможным только с помощью длительной пропаганды, постепенного развития народа. Среди руководителей "Чёрного передела" наиболее известны Вера Засулич и Георгий Плеханов.

Плеханов не отказывался от насилия, от революции. Позже он заочно спорил с известным народовольцем: "Если Морозов думал, что наши разногласия выражаются антитезой: или террор, или убеждение, то он просто-напросто ничего не понимал в тактике общества «Земля и Воля». Это общество было обществом бунтарей, стремившихся вызвать путем агитации массовое движение в народе. Стало быть, спор между нами мог быть выражен формулой: или агитация в массе, или террор. Но об этом до сих пор забывают те, которым хочется изобразить тогдашних «народников» в виде «культуртрегеров»".

Но в 1879 году он подчёркивал другую сторону дела. Обыгрывая популярные рассуждения о героях и толпе (то есть, о роли выдающихся личностей), Плеханов писал: "Пока существуют "герои", воображающие, что им достаточно просветить собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда им угодно, чтобы слепить из нее, как из глины, все, что им вздумается, – царство

разума остаётся красивой фразой, благородной мечтой. Оно начнет приближаться к нам семимильными шагами лишь тогда, когда сама "толпа" станет героем исторического действия и когда в ней, в этой серой "толпе" разовьется соответствующее этому самосознание".

"Чёрный передел" не принимал участия в терактах, но после убийства Александра II и эта организация попала под правительственные репрессии. Те, кто не успел скрыться за границу, были арестованы. И Плеханов, и Засулич оказались в эмиграции.

"Народная воля".

Эта организация значительно разрослась по сравнению с "Землёй и волей": она объединяла до 250 кружков (в 50 городах), насчитывала 2 тысячи человек, располагала 11 подпольными типографиями, издавала несколько газет. Вся эта машина нацеливалась на свержение существующего строя и обеспечение равных, справедливых выборов в Учредительное собрание, которое и определит новое политическое устройство страны.

Из речи Веры Фигнер на суде: "В программе, по которой я действовала, самой существенной стороной, имевшей для меня наибольшее значение, было уничтожение абсолютистского образа правления. Собственно, я не придаю практического значения тому, стоит ли у нас в программе республика или конституционная монархия. Я думаю, можно мечтать и о республике, но что воплотится в жизнь лишь та форма государственного устройства, к которой общество окажется подготовленным, так что вопрос этот не имеет для меня особенного значения. Я считаю самым главным, самым существенным, чтоб явились такие условия, при которых личность имела бы возможность всесторонне развивать свои силы и всецело отдавать их на пользу общества. И мне кажется, что при наших порядках таких условий не существует".

Заявление Исполкома "Народной воли": "8 сентября 1881 г. скончался от ран президент Соединенных Штатов Америки Д. А. Гарфильд. Смерть президента явилась следствием покушения на него в Вашингтоне террориста Ч. Гито. <...> Выражая американскому народу глубокое соболезнование по случаю смерти президента Джемса Авраама Гарфильда, Исполнительный Комитет считает долгом заявить от имени русских революционеров свой протест против насильственных действий, подобных покушению Гито. В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей – в такой стране политическое убийство, как средство борьбы – есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своею задачею".

Одним из главных руководителей "Народной воли" стал А.И. Желябов.

Желябов Андрей Иванович. Он родился в семье крепостного дворового крестьянина за десять лет до отмены крепостного права. Дед выучил его читать, а помещик-хозяин пристроил в уездное училище, позже – в гимназию. Закончил её с медалью, поступил на юридический факультет Новороссийского университета (в Одессе), откуда его в 1871 г. Желябова отчислили за организацию студенческих выступлений.

"История движется ужасно тихо, надо ее подталкивать. Иначе вырождение наступит раньше, чем опомнятся либералы и возьмутся за дело..." – говорил он в 1874 году. Первой попыткой "подтолкнуть" стало "хождение в народ" – для Желябова оно закончилось судом и оправданием.

Крупный, сильный физически – настоящий крестьянин – Желябов был и отличным оратором. Он умел убедить слушателей в правоте своих взглядов, вселить уверенность в победе. Накануне раскола "Земли и воли" он ещё выступал против террора, называл террористов большими врагами, чем монархисты. Однако переменял точку зрения и принялся за проведение новой линии – так же решительно, как и за всё, что ему доводилось делать в жизни.

В последние месяцы жизни 30-летний Желябов был главным руководителем "Народной воли", но случайно, по пустяковому поводу, оказался арестован за два дня до покушения на царя. После царубийства потребовал приобщения себя к делу 1 марта: "...было бы вопиющей несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности". На суде отказался от защитника и использовал трибуну для изложения принципов "Народной воли". "По своим убеждениям, – говорил он, – я оставил бы эту форму борьбы насильственной, если бы только явилась возможность борьбы мирной, т.е. мирной пропаганды своих идей, мирной организации своих сторонников".

В августе 1879 года народовольцы объявили в своих подпольных газетах о вынесении Александру II смертного приговора. Немалую роль в подготовке покушений играло собственное производство динамита. Главным химиком в этом деле был Н.И. Кибальчич.

Кибальчич Николай Иванович. Сын священника заштатного города Черниговской губернии. Из института исключён за хранение запретной литературы. Человек уравновешенный, мягкий, добродушный. Последний рубль с готовностью отдавал товарищам. Непрактичный: сам не умел самовар поставить. Серьёзный: не любил праздные разговоры, при первой же возможности углублялся в чтение или размышления. "Женщины любят, чтобы за ними ухаживали, а я этого не умею, да и некогда мне".

Последний месяц от ареста до смерти 27-летнего Кибальчича занимал только проект воздухоплавательного прибора на реактивном двигателе. Проект, впрочем, похоронили в архиве – отдавать его специалистам было сочтено несвоевременным, чтобы не вызвать "неуместные толки".

В течение следующих полутора лет народовольцам удалось совершить ряд покушений, после которых царь остался жив лишь по стечению случайностей. Покушались не только на царя, но и на других высокопоставленных чиновников, отвечавших за борьбу с революционерами. Время 1878–1880 годов современники вспоминали не иначе, как "смуту".

V. "Кнут и пряник": ответ власти

Генералы у власти.

В апреле 1879 года, после очередного покушения на царя, Россия была разделена на 6 временных военных генерал-губернаторств во главе с героями недавней Русско-турецкой войны: генералами Иосифом Гурко, Эдуардом Тотлебенем и другими. Используя свои чрезвычайные полномочия, они начали активную расправу с недовольными. Но это не предотвратило новых покушений.

5 февраля 1880 года мощный взрыв раздался в самом Зимнем дворце, погибли 10 человек из царской охраны, несколько десятков были ранены. Из дневника наследника престола: "Страшное чувство овладело нами. Что нам делать?".

Ответ на этот вопрос предложил император. 12 февраля была создана Верховная распорядительная комиссия по охране государственного порядка и общественного спокойствия. Во главе её встал М.Т. Лорис-Меликов. Вскоре ему же было подчинено и III Отделение Канцелярии Его Величества. По существу, граф Лорис-Меликов стал вторым человеком в государстве.

Лорис-Меликов Михаил Тариелович, 55 лет. Участник Русско-турецкой войны (это он штурмом взял Карс), затем – харьковский генерал-губернатор. Действуя решительно, так чтобы вызвать расположение царя, он тем не менее умудрился оказаться единственным из генерал-губернаторов, кому не вынесли смертного приговора революционеры.

12 февраля 1880 г. он получил полномочия "делать все распоряжения и принимать вообще все меры, которые он признает необходимыми для охранения государственного порядка и общественного спокойствия как в Санкт-Петербурге, так и в других местностях империи".

Как рассказывал об этом сам Лорис-Меликов (в передаче А.Ф. Кони): "...А тут эта война, Карс... Зовут затем "усмирять чуму". Я Поволжья вовсе не знаю. Нет! Поезжай. А там – вдруг сатрап на 12 млн в Харькове. Делай, что хочешь: судью застрели, губернатора сошли, директора гимназии повесь!! Едва успел оглядеться, вдуматься, научиться, вдруг – бац! – иди управлять уже всем государством. Я имел полномочия объявлять по личному усмотрению высочайшие повеления. Ни один временщик – ни Меншиков, ни Бирон, ни Аракчеев – никогда не имели такой всеобъемлющей власти".

Имея задачей подавить революционный террор, он беспощадно ссылал и вешал. Но в то же время, стремился привлечь на свою сторону общество. Потому-то саркастичные современники окрестили его политику "политикой лисьего хвоста и волчьей пасти".

"Лисий хвост" "вымел" из Министерства народного просвещения Дмитрия Толстого. На его место весной 1880 года пришёл сын декабриста, либерал Андрей Александрович Сабуров. В августе было объявлено о ликвидации ненавистного либеральной интеллигенции III Отделения (переименовано в Департамент государственной полиции и подчинено МВД); тогда же была упразднена Верховная распорядительная комиссия, Лорис-Меликов оставил за собой только пост министра внутренних дел. Как видно, ореол диктатора его не привлекал.

Не забывал Лорис-Меликов и про крестьян. Началась подготовка закона о снижении выкупных платежей и обязательном переходе на выкуп тех, кто ещё оставался на временнообязанном положении (этот закон вышел в свет уже при новом императоре, в конце 1881 года).

"Конституция Лорис-Меликова".

Кратковременную "диктатуру сердца" Лорис-Меликова венчала выработка проекта привлечения народных избранников к законодательной деятельности.

В этом проекте речь идёт об "учреждении в С.-Петербурге временных подготовительных комиссий, наподобие организованных в 1858 г. Редакционных комиссий с тем, чтобы работы этих комиссий были подвергаемы рассмотрению с участием представителей от земства и некоторых значительнейших городов".

Комиссии должны состоять из назначаемых "сведущих и благонадежных служащих и неслужащих лиц, известных своими специальными трудами в науке или опытностью по той или другой отрасли государственного управления или народной жизни".

Основные направления работы комиссий:

- "дополнение, но указаниям опыта, положений 19 февраля 1861 г. и последующих по крестьянскому делу указаний, соответственно выяснившимся потребностям крестьянского населения";

- "изыскание способов: 1) к скорейшему прекращению существующих донныне обязательных отношений бывших крепостных крестьян к своим помещикам и 2) к облегчению выкупных крестьянских платежей в тех местностях, где опыт указал на крайнюю их обременительность;

- пересмотр положений земского и городского, в видах пополнения и исправления их по указаниям прошедшего времени".

Итак, назначаемые царём комиссии (их две – по тематике занятий) вырабатывают проект; этот проект обсуждается теми же комиссиями с привлечением выборных от земств и крупнейших городов. А затем опытейшие из этих выборных (10–15 человек) участвуют в обсуждении тех же проектов в Госсовете.

Как видно, от этих предложений далеко до настоящей конституции, ограничивающей волю монарха. Тем не менее, многие современники (как противники, так и сторонники проекта) восприняли его как первый шаг к парламенту. Прозвище "конституция Лорис-Меликова" дано не историками, а современниками.

Первого марта 1881 года проект Лорис-Меликова в целом получил одобрение Александра II, и на 4 марта было назначено обсуждение законопроекта о создании при Госсовете совещательной комиссии выборных от земств для участия в разработке законопроектов.

6. Поворотная точка

Цареубийство.

Неизвестно, перерос ли бы этот скромный эксперимент по привлечению местных выборных к законотворчеству в нечто похожее на всероссийский парламент, но как раз 1 марта 1881 года революционеры наконец привели в исполнение свой приговор Александру II. Императора подстерегли в самом центре Петербурга. Первая бомба разбила карету, а когда Александр II, по своему обыкновению, попытался заговорить с террористом, подоспел второй метальщик. Царь скончался через несколько часов. Действиями метальщиков руководила С.Л. Перовская.

Перовская Софья Львовна, 27 лет. Дворянка. В середине 1860-х её отец недолгое время был даже столичным генерал-губернатором.

Твёрдая, но отзывчивая Соня тяготилась тем, что её отец – один из душителей свободы. В 17 лет она ушла из дома и стала жить независимо от родителей. Ходила в народ, работала в деревнях сначала народной учительницей, потом фельдшером. Была арестована. После суда, несмотря на оправдание, выслана на север (в Олонецкую губернию), по дороге бежала и с тех пор жила нелегально.

Человек открытый и общительный, но серьёзный и целеустремлённый. Совершенно равнодушная к модным одеждам и вообще к богатству, она направляла силы лишь на достижение общей цели. Степняк-Кравчинский о Перовской: "...Вечное искание чего-нибудь нового, лучшего было в ней исключительно результатом сильной критической мысли, а не чересчур пламенного воображения... Она была человек слишком положительный, чтобы жить в мире химер, и слишком энергичный, чтобы стоять скрестивши руки. Она брала жизнь такую, какова она есть, стараясь

сделать наибольшее возможное в данный момент. Бездеятельность была для нее величайшим мучением".

Он же – о её побеге 1878 года: "...Несмотря на твердое решение бежать, она долго не приводила своего намерения в исполнение, пропуская очень удобные случаи, потому что во всю дорогу от самого Симферополя ей, как нарочно, попадались жандармы, что называется, "добрые", предоставлявшие ей всякую свободу, и она не хотела их "подводить". Только под самым почти Петербургом, к счастью для русской революции, ей попались чистокровные церберы".

Он же – о первом марта: "...Ввиду недостаточного исследования недавно изобретенных бомб Кибальчича, метальщиков решено было употребить лишь в виде резерва на случай неудачи взрыва [мины в подкопе] на Садовой – и только в крайнем случае отдельно. Подробности применения этого плана были предоставлены Перовской, и когда, стоя на своем посту, она узнала, что царь направился новой дорогой, она поняла, что этот крайний случай наступил, и уже по собственной инициативе, как опытный полководец, по глазомеру переменяла перед лицом неприятеля фронт, выбрала новую позицию и быстро заняла ее своим резервом – метальщиками. Этому-то решительному маневру и обязаны революционеры своей грозной победой".

Победа обернулась поражением. Дело не только в арестах и казнях организаторов царубийства; дело в том, что крестьяне и не подумали восставать. Весь план террористов рушился, их организация себя исчерпала. В течение следующих двух лет она была почти полностью разгромлена полицией: аресту и дальнейшему наказанию (до смертной казни включительно) подверглись более 6 тыс. человек.

Новый курс.

Ещё одна неприятность (и для революционеров, и для либералов) состояла в том, что вошедший на престол Александр III свернул с курса, принятого его отцом.

Из обращения Исполкома "Народной Воли" к Александру III.

"Ваше Величество! <...> Условия, которые необходимы для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой, созданы не нами, а историей. Мы не ставим, а только напоминаем их. Этих условий – по нашему мнению, два: 1) Общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга.

2) Созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями. Считаю необходимым напомнить, однако, что легализация верховной власти народным представительством может быть достигнута лишь тогда, если выборы будут произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при следующей обстановке:

1) Депутаты посылаются от всех классов и сословий безразлично и пропорционально числу жителей;

2) никаких ограничений ни для избирателей, ни для депутатов не должно быть;

3) избирательная агитация и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно в виде временной меры, впредь до решения народного собрания, допустить:

а) полную свободу печати,

б) полную свободу слова,

в) полную свободу сходок,

г) полную свободу избирательных программ.

Вот единственное средство к возвращению России на путь правильного и мирного развития. Заявляем торжественно, пред лицом родной страны и всего мира, что наша партия с своей стороны безусловно подчинится решению народного собрания, избранного при соблюдении вышеизложенных условий, и не позволит себе впредь никакого насильственного противодействия правительству, санкционированному народным собранием.

Итак, ваше величество – решайте. Перед вами два пути. От вас зависит выбор. Мы же затем можем только просить судьбу, чтобы ваш разум и совесть подсказали вам решение единственно сообразное с благом России; вашим собственным достоинством и обязанностями перед родною страной.

Исполнительный комитет. 10 марта, 1881 г."

"Конституция Лорис-Меликова" обсуждалась в Совете министров 8 марта 1881 года. За проект высказались военный министр Дмитрий Милютин, министр народного просвещения Андрей Сабуров, министр финансов Александр Абаза. Однако Александру III больше понравилось выступление обер-прокурора Синода Константина Победоносцева, который решительно выступил против. Вот что писал Победоносцев своему единомышленнику, "с 8 марта ни Лорис, ни Абаза, ни Милютин не говорили со мной и избегали меня, отзываясь на стороне, что я невозможный человек, что я из XVI столетия, а ныне XIX-е...".

29 апреля 1881 года вместо "конституции" вышел документ, который расставил все точки над *i*. Он вошёл в историю как Манифест о незыблемости самодержавия. Ознакомившись с ним, ушли в отставку Абаза, Лорис-Меликов и Милютин. В этом документе (его составил для царя Победоносцев) заявлялось, что император "с верою в силу и истину самодержавной власти" будет её утверждать и охранять "для блага народного от всяких на неё поплзновений". Так был провозглашён новый политический курс.